
Егор Глазычев
Последний концерт
18+

Егор Глазычев

Последний концерт

«Автор»
2026

Глазычев Е.

Последний концерт / Е. Глазычев — «Автор», 2026

Музыкальная драма о мечте, любви и цене собственных ошибок. Восемнадцатилетний Артём живёт музыкой и мечтает однажды выступить перед тысячами людей. Вместе с Лерой, своей лучшей подругой и гитаристкой, он делает первые шаги к успеху.После удачного уличного концерта появляется шанс выйти на настоящую сцену. Но чем ближе Артём к своей мечте, тем дальше от него становятся близкие.Ревность любимой девушки, конфликты с подругой, воспоминания об умершем отце и страх потерпеть неудачу постепенно разрушают привычный мир молодого музыканта.На улицах Санкт-Петербурга разворачивается история о взрослении, дружбе, любви и словах, которые иногда мы произносим слишком поздно.Но что, если однажды исправить уже ничего нельзя?

© Глазычев Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До утра 6
Глава 2. Человек, который ждёт вступления 8
Глава 3. Синяя изолента 10
Глава 4. Десять минут 12
Глава 5. Белые кроссовки 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Егор Глазычев
Последний концерт

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ

Повесть

Егор Глазычев

Глава 1. До утра

В Купчине утро начиналось не с солнца. Сначала за стеной спускали воду, потом где-то этажом выше двигали стул, и лишь после этого в окне проступал мутный петербургский свет. Артём давно научился различать эти звуки. Некоторые из них попадали на его записи, и тогда приходилось начинать всё сначала.

Ему было восемнадцать, и в тот день он уже раз четырнадцать спел один и тот же припев. На экране ноутбука тянулись две дорожки: гитара Леры, присланная ночью, и его собственный голос. Название файла — «до утра — новый новый» — давно перестало означать что-либо конкретное.

— Оставь мне свет до утра… Я ещё помню дорогу…

Он не дотянул последнюю строчку. Воздух закончился раньше, чем фраза. Артём снял наушники, послушал запись и потянулся к клавише удаления. В эту секунду мать постучала в дверь.

Марина стояла на пороге в рабочей форме, придерживая локтем кружку. Она работала в аптеке, где смены почему-то всегда начинались раньше, чем ей хотелось, а заканчивались позже, чем обещали.

— Ты давно встал?

— Минут двадцать.

Мать посмотрела на чашки, стоявшие вокруг ноутбука.

— А чай ты вчера пил?

— В одной чай, — объяснил Артём. — Во второй резинки для микрофона.

Марина заглянула внутрь обеих, высыпала резинки на стол и забрала посуду. Было слышно, как на кухне она открывает хлебницу и ругается на яйцо, треснувшее при варке.

— Я, может, сегодня на репетицию с Лерой, — сказал Артём вслед.

— Ключи возьми.

Он хлопнул по карманам. Ключи висели на крючке у двери. Мать дождалась, пока он их заметит, и только потом вернулась на кухню. Она никогда не произносила «я же говорила», если достаточно было молча подождать.

Артём снова включил гитару Леры. По струнам будто пробежал тонкий холодный ток. Они играли вместе со школы, когда одноклассники приносили на праздники колонку, а они вдвоём — кабели, которые не подходили ни к одному разъёму. Лера знала его голос лучше, чем кто-либо: где он возьмёт дыхание, где опоздает, где притворится, что так и задумано. Иногда Артёму казалось, что она узнает его ошибку на секунду раньше него самого.

Он допел припев. Получилось не идеально, но что-то в нём наконец ожило. Рука остановилась над кнопкой удаления. На этот раз он сохранил запись и назвал файл «ДО УТРА 14».

В прихожей хлопнула дверь. На столе остался пакет с двумя бутербродами. Артём догнал мать голосом:

— Мам, почему два?

— Потому что Лера скажет, что уже поела!

Когда Артём вышел из дома, моросило так мелко, что капли приходилось угадывать по мокрым рукавам. По дороге он заскочил к Соне. У неё пахло чаем, тёплым хлебом и пластиком от заряжающейся камеры.

Соня сидела на кухне, прижав ладонью к столу два билета в кино. Они встречались восемь месяцев — достаточно долго, чтобы Артём знал, где она прячет запасные карты памяти, и недостаточно, чтобы перестать удивляться, как аккуратно она раскладывает вещи перед съёмкой.

— Ты помнишь, что в пятницу кино? — спросила она. — В девять.

— Помню. До девяти всё успеем.

На телефоне всплыло сообщение Леры. Артём невольно улыбнулся: подруга прислала новую гитарную партию, а в конце — собственное недовольное «нет, это опять не то».

Соня заметила улыбку.

— Вы опять ночью работали?

— Попробовали переход. Она записала гитару, я сверху вокал.

— А мне ты вчера сказал, что устал и позвонишь утром.

Артём вынул один наушник. Сказать, что они просто работали, казалось самым разумным ответом. Он так и сказал.

— Мы с Лерой десять лет дружим, Сонь. У нас концерт через неделю.

— Я знаю, сколько вы дружите. И я не прошу перестать. Мне просто обидно: для меня у тебя не находится пяти минут, а с ней вы можете не спать до трёх.

Он протянул руку через стол, коснулся её пальцев. Хотел сказать что-то хорошее, необидное, но телефон опять завибрировал. Взгляд сам дёрнулся к экрану. Соня убрала руку первой.

— Пятница всё ещё наша?

— Наша. Я буду к восьми.

Соня кивнула. Ей хотелось поверить не потому, что она не замечала происходящего, а потому, что верить пока было легче. Артём допил чай, взял свой переходник для наушников — она подобрала его вчера с пола — и убежал на остановку.

Он не видел, как Соня положила билеты обратно на холодильник, проверила заряд камеры и несколько секунд стояла посреди кухни, решая, стоит ли писать ему «хорошей репетиции». В итоге написала. Ответ пришёл почти сразу: огонёк.

Глава 2. Человек, который ждёт вступления

Лера ждала на Бухарестской, прислонив чехол с гитарой к остановочному павильону. На плече висел пакет проводов, на кроссовке темнело пятно от утренней лужи. Когда подошёл Артём, она даже не поздоровалась — сразу потребовала наушник.

— Ну что? — спросил он через минуту.

— Слушаю.

— Ты уже вступление прошла.

— А ты попробуй один раз не разговаривать поверх собственного голоса.

Они знали, как разговаривать так, чтобы не обижаться. Артём мог высмеять Лерины бесконечные настройки, Лера — его привычку начинать новую песню до того, как закончена предыдущая. В школе они однажды вышли на сцену с усилителем, к которому забыли сетевой кабель. Артём тогда всё равно объявил их выступление «первым большим концертом», а Лера сказала, что они прославились хотя бы тем, как долго искали розетку.

Когда припев в наушниках закончился, Лера нахмурилась.

— В конце не ускоряйся. У тебя слова не помещаются.

— Это специально.

— Тогда специально вдохни раньше.

Он попробовал на остановке, вполголоса. Воздуха хватило. Лера сделала вид, что смотрит на дорогу.

В автобусе Артём достал бутерброды. Лера, конечно, сказала, что ела. Он протянул ей второй и дождался, пока она его возьмёт.

Репетиционная на Лиговском выглядела так, будто кто-то попытался превратить кладовку в концертный зал и остановился на стадии ковра, прибитого к стене. Лера долго подключала электрогитару: один аккорд звучал глухо, второй срывался в неприятный визг. Артём выравнивал микрофонную стойку, словно от её высоты зависел успех выступления. Соня с телефоном в руках развернула стул спинкой вперёд и устроилась за ними.

— Снимешь, когда нормально будет? — попросил Артём.

— А мне кто сообщит, что уже нормально?

— Когда перестанет показывать, что я громко играю, — ответила Лера.

Они начали «До утра». Артём сбился на второй строке, потом дважды повторил начало припева. Лера не остановилась: удержала аккорд, подождала его взгляда, и он нашёл потерянное слово. Они закончили почти одновременно. Соня показала запись.

— Вот это оставьте. Где ты на неё посмотрел.

— Там я слова забыл!

— Я слышала.

На экране Артём улыбался Лере так, как не умел улыбаться по просьбе оператора. Соня увидела это и подумала, что именно такие мгновения стоит сохранять. Потом поймала себя на другой мысли: она снова смотрела на их общую радость с той стороны камеры, куда не помещалась сама.

Когда до окончания аренды оставалось пятнадцать минут, Соня напомнила о квартире тёти Иры. Та переезжала, и Соня давно хотела снять её комнату, пока там ещё стояла мебель. Не фильм для заказа, не клип Артёма — собственную маленькую историю о месте, которое исчезает.

— Я обещал, — сказал Артём, не оборачиваясь от стойки. — Сейчас двадцать минут и поедем.

Лера остановила гитару.

— Давай закончим, Тём. Соня же говорила.

— Ещё раз с перехода, и всё.

Он не заметил, как изменилось её лицо. Соня больше не спорила. Просто выключила запись. Это оказалось неприятнее любой ссоры. Артём постоял с микрофоном, потом начал сматывать кабель — медленно, аккуратно, будто на этом можно было выиграть время.

На улице три человека шли рядом, пока не дошли до перехода. Лера и Артём вспоминали школьный концерт с зелёными волосами и украденной у физика колонкой. Соня засмеялась вместе с ними, но постепенно отстала. На другом тротуаре Артём обернулся только потому, что разговор оборвался.

— Я к тёте пойду, — сказала Соня. — Если успею, хотя бы при свете сниму.

— Ты чего одна? Я думал, домой все вместе.

— Я говорила тебе. На репетиции. Два раза.

Лера, почувствовав неловкость, ушла к остановке. Артём хотел догнать Соню, но не знал, что можно предложить кроме нового обещания.

— Я потом к тебе заеду.

— Не обещай, если не уверен.

Она свернула к метро. Он проводил её взглядом и открыл телефон. Там ждало сообщение о макете афиши. Он хотел спросить, как прошла съёмка, но сначала проверил, обновились ли просмотры старого ролика. Просмотров не прибавилось. Сообщения тоже не было.

Глава 3. Синяя изолента

Марина считала, что объявление «первый большой сольник» плохо сочетается с тремя песнями и десятью минутами, выделенными местным мероприятием в Сосновке. Артём спорил, что без громких слов никто не придёт. Мать разрезала хлеб и сказала:

— Напиши правду: три песни. На афише места много.

Он хотел возразить, но она уже пододвинула бумажку с адресом печатного салона.

— И время крупнее. Я с первого раза не вижу.

На стене висела фотография: маленький Артём с игрушечным микрофоном, рядом отец с гитарой. Сергей придерживал инструмент коленом и смотрел не в объектив, а на сына. На снимке было видно, что мальчик поёт неправильно: слишком широко раскрывает рот и изо всех сил старается быть услышанным.

— Ты придёшь? — спросил Артём.

— Я до восьми работаю.

Он промолчал. Марина посмотрела на его лицо и придвинула телефон.

— Пришли мне афишу. Я девочкам покажу.

— Только не пиши «мой талантливый сын».

— Хотела написать «второй подъезд, который мешает спать».

Они засмеялись. Артём убрал со своего макета слова «большой сольник» и внезапно почувствовал, что афиша стала честнее. Небольшая, криво свёрстанная, но их.

Вечером он полез в бывшую комнату отца за удлинителем. Здесь давно стояли сушилка, коробки с обувью, старые куртки. За дверью — бас-гитара, на корпусе полоска синей изоленты. Артём задел струну; низкий звук разошёлся по комнате, будто в ней кто-то прочистил горло.

Когда ему было десять, отец посадил его на табурет и дал игрушечный микрофон.

— Попробуй спеть на этой ноте. Не громко. Просто попади.

Маленький Артём тянул звук, пока у него не заканчивался воздух, а Сергей подбирал на басу ответ. Они всё время вступали не вовремя. Отец смеялся, мальчик сердился, из кухни Марина стучала ложкой по трубе — требовала тишины.

— Мама тоже играет! — воскликнул тогда Артём.

— Слышал. Давай её возьмём.

Сергей дождался следующего удара по трубе и дал сыну знак. Втроём они несколько секунд составляли странный семейный оркестр: низкая басовая нота, фальшивый детский голос и ложка, отбивавшая самый упрямый ритм в квартире.

Отец тогда сказал: «Погоди, я ещё не договорил». Артём запомнил эти слова лучше, чем любую музыкальную теорию. Сергей умер, когда сын был ещё ребёнком; с годами воспоминания становились короче, но звук басовой струны оставался прежним.

Он сфотографировал полоску изоленты и поставил инструмент обратно.

На следующий день Артём и Марина стояли в печатном салоне. Принтер выдал пробный лист с широкой синей полосой поперёк названия. Мать сняла очки, протёрла их свитером и предложила оставить бракованную афишу: «Будто так и задумано». Сотрудница пожалела их и сделала чёрно-белую версию. Артём вынес на улицу целую пачку листов, прикладывая их к мокрым стенам, а ветер каждый раз возвращал бумагу ему в лицо.

В это время Лера дома чинила фонящий провод. Она работала на складе магазина; в её графике смен было больше исправлений, чем в их песнях. На холодильнике висел список вещей к концерту: гитара, кабель, аккумуляторная колонка, микрофон, запасной провод и — приписанное Лерой — «нормальный медиатор».

— А если никто не остановится? — спросил Артём, заглянув к ней вечером.

Лера попробовала поднять переносную колонку и почти уронила её на тапок.

— Мы-то остановимся. Я с этим далеко не уйду.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Сыграем три песни. Потом будем знать.

Его успокоило не содержание ответа. Лера не обещала ни толпы, ни успеха, ни будущих концертов. Она просто говорила так, будто любые три песни действительно можно сыграть до конца.

Глава 4. Десять минут

Первый концерт не был похож на начало большой истории. В парке Сосновка готовили мероприятие с собаками из приюта; под конец кто-то разрешил двум ребятам с гитарой занять место у лавки. Администратор Оксана вычеркнула в программе фамилию ведущего и вписала название «Шум со двора». Ей больше нравились собаки: те, по крайней мере, не просили ещё десять минут после окончания времени.

— У вас двенадцать минут, — сказала она. — Последние две мне нужны, чтобы вы спокойно убрали провода.

— Мы уложимся, — обещал Артём.

Лера подключила гитару к небольшой аккумуляторной колонке с двумя входами. Второй предназначался для микрофона. При проверке канал запищал, голуби снялись с дорожки, и Оксана посмотрела на них так, словно уже пожалела о своём решении.

За полчаса до начала Лера обнаружила, что кабель всё ещё трещит у разъёма. Соня молча достала запасной из сумки. Принесла чай: Артёму без сахара, Лере с двумя пакетиками. Артём взял свой стакан, не отрывая взгляда от телефона, где пересчитывал отметки «приду».

Сначала у скамейки стояло одиннадцать человек. Потом остановился мальчик с поводком, хотя собака уже ушла куда-то с волонтёрами. Он попросил разрешения сесть на оставленный стул и уселся так низко, что колени оказались выше живота. Артём смотрел на него и вдруг понял, что боится не толпы, а именно этого мальчика: тот ждал, что сейчас что-нибудь произойдёт.

— Привет, — сказал Артём в микрофон. Голос прозвучал неожиданно громко. — Мы «Шум со двора». Я пою, а Лера играет. Если я забуду слова, она сделает вид, что так и задумано.

Кто-то засмеялся. От этого стало чуть легче.

Лера вступила первой. Гитара прозвучала грубовато, зато живо. Их «Во дворах» была песней о кухонном свете и бесконечных улицах, о возвращении домой после того, как все уже решили, что ты давно должен быть дома. Артём в начале смотрел на собственные кроссовки. Потом поднял глаза: пожилой мужчина под деревом кивал в такт, подросток отбивал ритм носком, женщина с собакой остановилась у скамейки. К концу песни хлопали из разных мест, не слишком дружно, зато по-настоящему.

Во второй песне, «До утра», случилось то, чего Артём не мог представить ни на одной репетиции. Незнакомая девушка рядом с Соней подхватила припев. На следующей строке к ней присоединился мальчик, потом ещё два человека. Артём на секунду перестал петь. Он всю неделю старался записать идеальный голос, а теперь чужие люди несли его слова неровно, с неправильными ударениями, и от этого песня казалась настоящей.

Лера посмотрела на него, не прекращая перебора. Он поймал её взгляд и вернулся в припев.

В последней песне — «На повторе» — они уже не изображали артистов, а просто играли. Артём отходил от микрофона, ждал гитарного ответа, возвращался, и наконец Лера закончила вместе с ним. К этому времени вокруг собралось около сорока человек. Кто-то попросил ещё одну песню. У них больше не было времени, и Артёму впервые показалось, что нехватка времени — приятная проблема.

Мальчик со стула спросил, где они будут играть в следующий раз. Артём посмотрел на Леру. Она пожала плечом и улыбнулась.

— Мы напишем, — ответил он. — Под этим названием.

Соня опустила камеру, проверила запись и подошла поздравить их. Артём уже обнимал Леру — неловко, потому что гитара за спиной упиралась между ними. Они хохотали, вспоми-

нали, кто где сбился, повторяли друг другу одну и ту же фразу: «Они подпевали!» Соня стояла рядом и ждала, когда он повернётся.

Он повернулся наконец.

— Ты всё сняла? Покажи на припеве!

Ей на секунду захотелось напомнить, что она тоже была здесь, что сама договорилась о выступлении и привезла нужный кабель. Но Артём был так счастлив, что Соня только улыбнулась и открыла галерею.

Она не знала, что позднее будет вспоминать именно эту секунду: как он смотрел не на неё, а через её плечо, на маленький экран, где был тот самый концерт.

Глава 5. Белые кроссовки

Денис появился возле лавки, когда они собирали провода. Молодой парень в слишком чистых для этого парка кроссовках помог Артёму подхватить конец кабеля и спросил, откуда взялась вторая песня.

— Дома записал, — ответил Артём, всё ещё не привыкший, что незнакомые люди задают ему вопросы о музыке.

— У меня клубные вечера на Обводном. На следующую субботу есть окно. Выступишь?

У Артёма пересохло во рту. Всего несколько минут назад он боялся, что люди пройдут мимо парковой лавки. Теперь ему предлагали сцену, настоящие колонки, людей, которые покупают билеты.

— Мы вдвоём играем, — сказал он и кивнул на Леру.

Денис проследил за его взглядом.

— Слушай, а зачем тебе с гитаристкой по улицам ящики таскать? Все же на тебя смотрели. Можешь один с фонограммой. Можешь с ней, конечно. Только реши, как тебе удобнее.

Артём почувствовал странный, стыдный укол удовольствия от слов «на тебя». Он тут же напомнил себе, что Лера — половина их музыки.

— Без живой гитары мы не играем. Два канала выведете нормально?

— Выведем. Ты только сегодня ответь, чтобы я окно не отдал.

Телефонный контакт Артём сохранил как «Денис клуб». Ему хотелось немедленно открыть чат, посмотреть фотографию профиля, убедиться, что разговор не померещился. Но Лера окликнула его от колонки:

— Поможешь или ты уже на гастролях?

В закусочной на Лиговском они делили картошку на троих. Гитара стояла у стены, Соня листала отснятое, Лера раз за разом просила показать момент, где у неё соскочил медиатор. Артём заставлял перемотать к припеву, который подхватила толпа. Все трое говорили одновременно, смеясь над тем, что не могут договориться даже о самом удачном кадре.

— Кстати, чего хотел тот в белых кроссовках? — спросила Лера.

— В клуб зовёт.

— Кого? — уточнила Соня.

Пауза была такой короткой, что никто, кроме самого Артёма, не мог бы её измерить.

— Нас, — сказал он. — Я сказал, что вместе.

Лера подняла бумажный стаканчик.

— Тогда следующий тур хочу хотя бы на два города. Чтобы первый не считался случайностью.

Они чокнулись. Артём ударил сильнее, чем следовало, крышка съехала, газировка полилась Лере на джинсы. Соня успела включить камеру на возмущённое лицо подруги.

— Первый гонорар, — сказала Лера, разглядывая мокрые штаны. — И последний.

— Какие ощущения после концерта? — спросила Соня из-за телефона.

— Мокрые.

Смех вернулся, но ненадолго. Когда Лера ушла за добавкой, Соня показала Артёму видео, где у него на лице появлялась улыбка при одном взгляде на гитаристку.

— Я рада, что у тебя получилось, — сказала она.

— Тогда почему ты весь вечер тихая?

Соня долго подбирала слова. Ей не хотелось испортить первый настоящий праздник. Но она уже знала, что если промолчит сейчас, Артём потом скажет: «Почему ты раньше не говорила?»

— Когда вы закончили, ты сначала обнял Леру. Потом спросил меня, всё ли снято. Ты даже меня не обнял.

— Сонь, мы только что первый концерт отыграли. Я не специально.

— Я знаю. Я правда рада. Просто я тоже там была.

Он хотел сказать, что она преувеличивает. Вместо этого посмотрел на телефон: Денис прислал схему клуба. Артём вовремя погасил экран, но Соня заметила движение его руки.

— Прости, — сказал он. — Что ты хотела сказать?

— Уже ничего. Давай доедим.

Позже, задержавшись перед окном закусочной, Артём увидел своё отражение. Рядом отражался пустой стул. Здесь когда-то они сидели с отцом. Сергей возвращался с какого-то выступления, а двенадцатилетний Артём допрашивал его, как прошёл концерт.

«До второй песни хорошо», — говорил отец. «А потом?» — «Я начал вторую, остальные — третью». Мальчик хохотал так громко, что отец не выдерживал и тоже смеялся. Последнюю картошку Сергей делил пополам, а потом вдруг доставал из кармана ещё одну — целую. «В салфетке была. Я же не животное».

Теперь за стеклом сидели другие люди. Артём открыл ролик из парка и прослушал лишь те несколько секунд, когда незнакомые голоса впервые подхватили его припев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.